

К 35-летию артистической деятельности Веры Николаевны Пашенной

ОДИН ДЕНЬ

Июль 1940 года. Город Орджоникидзе.

Южный город, весь в зелени, окруженный цепью высоких снеговых гор. 5 часов утра. Воздух еще свеж и так прозрачен, что горы кажутся совсем рядом. Предвидится хороший, но жаркий день. Жизнь на улице только-только еще начинается. Сегодня группа артистов Малого театра, возглавляемой народной артисткой В. Н. Пашенной, предстоит переезд на машинах из Орджоникидзе в Грозный. Вечером в Грозном должен состояться первый спектакль группы. По дороге, по предложению Веры Николаевны, решено дать спектакль «На бойком месте» подшефной воинской части.

В 5 часов утра самый сладкий сон. А если накануне вы пришли со спектакля поздно и легли в 2—3 часа, то спать хочется невероятно. Ровно в 5 — стук в дверь. Голос: «Товарищи, вставайте, сейчас едем». Встать сразу трудно, голову так и клонит к подушке. Но через 15 минут новый стук в дверь и повелительный голос: «Предлагаю сейчас же встать». Ну, тут уж каждый знает, что не до шуток.

В гостинице поднимается шум и оживление. Последние быстрые сборы. И вскоре артисты один за другим (некоторые с женами и детьми) выходят на улицу. На бульваре, перед гостиницей, уже сидит Вера Николаевна, готовая к отъезду; в руках у нее всем нам известный по поездке чемоданчик. Это походная аптечка, «скорая помощь». Вера Николаевна зорким взглядом встречает каждого появившегося. Надо сказать, что поездка подходит к концу и все порядком устали, а переезд сегодня предстоит трудный, да и весь день тоже. Одного она спрашивает о здоровье; другому предлагает камфару рублини; этих двух товарищей, у которых внезапно обострились отношения, стыдит и предлагает помириться. Еще вчера вечером, во время спектакля, она уверяла нас, что «никогда ей не было так плохо сердцу», — сегодня об этом и помина нет.

Машины подмы. Рассаживаемся у Веры Николаевны опять волнение — всем ли удобно. Едем. Едем степью, сплошь засаженной кукурузой. Дорога пыльная. Начинается жара. Вскоре солнце так накаляет темя машины, что мы обливаемся потом и покрываемся густым слоем пыли.

Часов в 12 дня, недоезжая километра до станции, нас встречает машина с командиром и комиссаром части. Подъезжаем к станции. На большом холме, среди степи, амфитеатром сидят бойцы и ждут нашего приезда. Внизу холма составлены 4 грузовика; на них быстро разбивают импровизированную избу Бессудного, готовят реквизит, достают парики костюмы. Артисты залезают в «санитарку» — санитарную машину, специально приготовленную, и там быстро одеваются и гримируются. Гримироваться очень трудно — лицо горит от солнца, все в пыли, да и свет неподходящий.

Начинаем необычный спектакль. Среди степи, под открытым небом, под палящим полуденным солнцем неуверенно звучат первые слова «Бойкого места». Но вот первые слова Веры Николаевны: «какой ты Ермоланч...»

и как электрическим током выключают они нас в привычный нерв спектакля и забываешь, где ты находишься; видишь только перед собой пытливые глаза бойцов, которые весело принимают разыгрываемую перед ними комедию. А солнце печет, степной ветер развевает волосы, приклеенные бороды, подолы сарафанов. Спектакль кончается. Проводы. Цветы. Благодарность.

Едем дальше. Жара все усиливается. В этот день она доходила до 70 градусов. Часам в 5-ти подъезжаем к границе Чечено-Ингушской республики, где нас встречают партийные и общественные организации города. Въезжаем в город Грозный. На главной площади, перед новым зданием театра, сооружена трибуна, вся украшенная коврами и цветами. Собралась тысячная толпа. Подъезжаем. Грязные, мятые, серые от пыли выезжаем из машин. Митинг. Горячие приветствия представителям Малого театра. Пламенное ответное слово Веры Николаевны. Именно — пламенное. Когда Вера Николаевна говорит, она так зажигает слушателей, так сама по-настоящему волнуется тем, о чем говорит, что слушаешь ее, как завороженный.

«Ну, товарищи, отдыхать, а через два часа быть в театре и играть спектакль «не спуская колков»».

И вечером, в переполненном театре, уже при электрическом освещении опять «Бойкое место». Усталости как не бывало. И опять звучит смех и голос замечательной Евгении: «какой ты Ермоланч...».

Дорогая Вера Николаевна, желаем Вам подольше сохранить этот огромный зажигательный запас жизненной энергии. Проявляйте его везде, будь это в холодной Арктике, в солнечной

В. Н. Пашенная в роли Любови Яровой.

Осетии или в промышленных районах Свердловской области («территориально это не важно»).

ОБУХОВА, НЕПОМНЯЩАЯ, ЧЕРНЫШЕВ, ТОЛОКИН, ВИЛЛЬ, ГЛАДОВ, ДАРЬЯЛЬСКИЙ, ГУРИНОВ, БЕРНАР, РЖАНОВ, ТЕМКИНА, ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ, МАМОЦИН.

ЯРКОЕ ДАРОВАНИЕ

М. Ленин

В дни моего юншества, когда я учился в киевском реальном училище, я всегда посещал спектакли прекрасной труппы, которой руководил Николай Николаевич Соловьев. В этой труппе исключительное положение занимал артист Николай Петрович Родин-Инсаров (Пашенный). Неумолимый рок очень рано вырвал его из жизни и искусства. 37 лет он был убит из-за ревности художником Маловым.

Несмотря на такой ранний возраст, это был один из крупнейших актеров тогдашней России, которого прекрасно знали и в Петербурге, и в провинции. Оценка его отдельных исполнений была чрезвычайно высока. Так, например, гениальный мой учитель Александр Павлович Ленский всегда отмечал исполнение Родин-Инсаровым роли Чацкого. Я уж не говорю о его совершенно исключительном исполнении роли царя Бориса в трилогии Алексея Толстого.

И вот, в 1904 г. я услышал, что дочь покойного Родин-Инсарова — Вера Николаевна Пашенная поступает на драматические курсы театрального училища Малого театра. Я вскоре познакомился с ней. Так как для меня был очень дорог, свеж и ярок образ ее отца, то я перенес всю мою симпатию на Веру Николаевну. Я внимательно следил за ее первыми сценическими успехами.

Александр Павлович Ленский сразу отметил исключительное дарование Веры Николаевны. В знаменательные дни, когда контора императорских театров во главе с Теляковским — тогдашним всемогущим директором императорских театров, занималась травлей Ленского, великий артист, уходя из театра, об одном просил Теляковского; чтобы судьба Веры Николаевны Пашенной, которую он считал уже тогда прекраснейшей актрисой, была обеспечена. Даже в тяжелые, критические моменты своей жизни Ленский думал об искусстве, думал о том, кто будет нести, развивать и украшать его.

Я лично сыграл с Верой Николаевной очень много спектаклей и всегда с большим удовольствием вспоминаю ее трепетное исполнение роли Марии Стюарт (я играл Лейстера).

Этому спектаклю было отдано много внимания, на него возлагали большие надежды.

Великая Ермолова, уже переставшая играть эту роль, с большим ожиданием, полная благожелательства и желания помочь, окрыляла молодую актрису в ее трудном начале.

За работой Веры Николаевны следили также тогдашний управляющий труппы Малого театра Александр Иванович Южин, Константин Николаевич Рыбаков, Осип Андреевич Правдин и все те товарищи, с которыми она сейчас проводит свой прекрасный славный путь.

Спектакль «Мария Стюарт» не сходил с репертуара до самых последних дней. Это была большая удача Веры Николаевны Пашенной.

Приятным, радостным, ярким и сочным было исполнение Верой Николаевной Лизы в «Горе от ума». Я как раз

и предложил на заседании художественного совета дать эту роль Вере Николаевне. Я был бесконечно счастлив, что она от этой роли не отказалась, что мастерски сыграла ее, украсив собою спектакль.

«Бесприданница». Артист, играющий Паратова, будет совершенно бессильен, что-либо сделать, если не окажется на высоте исполнителя главной роли Ларисы. Вера Николаевна с таким вол-

«Без вины виноватые». Кручинина (В. Н. Пашенная) и Галчиха (Е. Д. Турчанинова).

нующим проникновением входила в отдельные моменты роли, что заражала буквально всех, кто в этот момент соприкасался с нею на сцене. Когда я спрашивал, с кем придется играть сегодня спектакль, и называли Веру Николаевну, я испытывал какой-то необыкновенный подъем. За всеми сценами, в которых мне не приходилось играть, я всегда очень внимательно смотрел из-за кулис, и впечатление от

прекрасное яркое дарование, ее чудесный талант. Вера Николаевна находится сейчас в полном расцвете своих творческих сил. От всей души желаю ей преуспевать в дальнейшем так, как она преуспевала и до сих пор. Тем более, что ее исполнение роли Кручинной было метким захватывающим, что дает полное основание ждать от нее больших взлетов.

Художник горячей крови

Дорогая Вера Николаевна!

В архиве нашего театра — пачка пожилейших двадцатилетних листов. Это — протоколы Правления студии Малого театра. Помните ли Вы их? Они написаны моей рукой секретаря и украшены Вашей подписью председателя. В них имена Н. Е. Эфроса и Н. А. Смирновой, имена Ваших товарищей по театру — Бриллиантова, Шамина, дорогого имя Володи Мейера еще смешаны с именами моих бесценных творческих друзей Артемьевой, Цветковой, Калинин, Королева и других. И — (Вы, конечно, улыбнетесь) — почти в каждом протоколе моей рукой по Вашему приказу мне либо делается о чем-то предупреждение, либо что-то ставится на

вид, либо даже объявляется выговор.

Тут и «самовольные отступления от плана», и «безудержное фантазирование», и всякие другие молодостью объяснимые грехи. Это когда-то причиняло боль, как причиняло боль и Ваши переделки в подготовленных студийных спектаклях, поправки, вносимые требовательно, строго, неумолимо. Вы не можете себе представить, какие пиллеровские монологи звенели тогда во мне против Вашего «тиранства».

И позже — не один раз, — не все одинаково понимая в самом близком и дорогом, — я пытался посылать спорить с Вами, возражать Вам, опровергать Вас.

Но вот сегодня дни Вашего праздника, и — верьте нашей искренности — среди многих приветов, поздравлений, которые несутся к Вам со всех сторон, — слова любви и благодарности от имени Ваших студийцев-учеников и моего — так задушевно, так идут от глубины сердца, что, может быть, несколько горько ложатся на бумагу.

И это не только потому, что Вы — прекрасная артистка, любимая всей страной, товарищами и зрителями.

И это не только потому, что Ваша жизнь отдана без остатка нашей родине и великому сталинскому делу.

И это не только потому, что алекинское лето, созданное Вами, стало для целого поколения творческой весной, а Вы с Вашими тогдашними близкими друзьями были солнышком в этой юной, полудетской весне.

Это еще и потому, дорогая Вера Николаевна, что Вы настоящий творческий человек, художник горячей крови, способный на великие взлеты, но и не боящийся падений, с радостью побед всегда готовый к горечи ошибок.

Стоит вспомнить одну Вашу вдохновенную репетицию, один страстный призыв к молодежи, пламенную творческую мечту (помните «Медю»?), как все отступает перед чувством восхищенной любви.

Вы так молоды и неуверенны. Так радостно сознавать, что у Вас так много вперед. На Вашем прекрасном творческом пути не забывайте любящих Вас Ваших учеников — и простите им, что они так горячо и настойчиво отстаивают свое в искусстве. Этой страстностью Вы нас заразили, родная Вера Николаевна!

Профессор Ф. НАВЕРИН,
Засл. артист Республики

Общение с юностью

В. Пашенная

Я с великой радостью, так же как и другие актеры, учу нашему искусству молодежь. С первых шагов своей артистической жизни я любила заниматься творческой работой не только сама, но и с другими молодыми актерами или учениками. Уже в течение тридцати с лишним лет я непрерывно общаюсь с юностью, стремящейся к искусству, и наблюдаю ее.

Разница между взаимоотношениями и творческим общением актера-педагога с учащимися в наше и в дореволюционное время огромная.

Чему и как я учила будущего актера прежде, до революции?

Я учила его развивать свои природные творческие данные, учила управлять своим темпераментом, правильно говорить, дышать и держаться на сцене. О сценическом методе, об искусстве, как о серьезнейшем факторе общественной жизни, об идейной направленности актера, о социальном звучании его работы, о социальном раскрытии образа даже и речи не было. Я была тогда сама еще очень молода, но я утверждала, что никто из педагогов не касался этих вопросов.

Благодаря многолетнему постоянному творческому общению со многими артистами Московского Художественного театра, частому посещению спектаклей театра я близко познакомилась с рабо-

той его больших артистов и режиссеров.

Объединяя метод Художественного театра с методом своего гениального учителя А. П. Ленского (взяв за основу учение А. П. Ленского), углубляя и изучая его, я выработала свой метод, который в далекое время моей молодости, до революции, только еще начал оформляться в моей творческой мысли. Этот метод и лежит в основе моего преподавания. Прежде работа актера с молодежью состояла лишь в изучении драматического искусства безотносительно к действительной жизни. Теперь помимо непосредственной работы над мастерством актера идет огромная общественно-воспитательная творческая работа с учеником. Мы учим теперь нашу молодежь не просто «играть», не развлекать и развлекаться, а учим, как, творя сценические образы, просвещать массы и нести великие идеи социализма.

Нельзя учить искусству вне политики, вне учения Ленина — Сталина. Искусство вообще, а в особенности драматическое как искусство комплексное, объединяющее в себе почти все формы и разновидности искусства, несет через художественные образы великие идеи и активизирует массы. Так глубоко теперь общение педагога с учеником в области искусства и во всех других

областях, примыкающих к мастерству актера.

Я говорю своим ученикам: «Впитывайте в себя окружающую жизнь, перерабатывайте ее в своем сознании и, творя художественные образы, отдавайте через них зрителю все то, что получили от жизни».

Я безмерно удовлетворена тем, что

«На бойком месте». Евгения Мироновна (В. Н. Пашенная) и Безсудный (С. А. Головин).